

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 166

6 Août 1948

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

4-й ГОД ИЗДАНИЯ
Quatrième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

20 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2e T.É.L. : CEN. 44-27. Rédacteur en chef A. Sloupnitzky

Гр. Хмара

Любимый артист Чехова

А ВТОРУ, дерзающему вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами, не собрать народных рукоплесканий, говорит Гоголь в "Мертвых Душах". "К нему навстречу не полетит шестнадцатилетняя девушка с закружившейся головой..." В равной мере это приложимо и к артистам сцены.

Чье сердце, особенно женское, не дрогнет, не "объемлется трепетом" при одном имени В. И. Качалова, которого на сцене МХТ можно было видеть в таких ролях, как Гамлет и Чацкий, как Бранд и Иванов, как Тузенбах или Каренин в тамсуновских "У царских врат"? Уже само обаяние этих образов достаточно, чтобы впечатление на зрителя было огромно, а если прибавить к этому еще и личное обаяние артиста, то становится понятным почему без восторга и сердечного трепета нельзя было произносить его имени. И одновременно можно себя спросить — а чье сердце не замрет при имени Артема? Не боясь преувеличений, скажу, что, может быть, и не все видевшие его на сцене даже это имя запомнили.

Помню как-то, уже в Париже, мне случилось разговаривать с одним из наших москвичей, и когда речь зашла о МХТ, то я стал выражать свои восторги по поводу оригинального таланта Артема, отметив его, как лучшего исполнителя чеховских пьес. Собеседник мой, оказалось, даже не запомнил этого имени.

"Ах, да, сказал он, это старичок, игравший древнего слугу в "Вишневом Саду". Да, как же, вспоминаю. Хорош был старикашка — но это не Качалов!" Я заметил, что Качалов в "Вишневом Саду" не играл — "Все равно, но какой артист".

Между тем Артем был любимым артистом Чехова; специально для него написал Чехов ряд замечательных ролей: Чебутыкина в "Трех Сестрах", Вафли в "Дяде Ване", Фирса в "Вишневом Саду" и надо полагать, что если бы писатель жил дольше и продолжал бы писать для МХТ пьесы, то уж, конечно, не обошел бы выигрышной ролью своего любимца — Артема. Исключительная любовь Чехова к Артему, как к артисту, объясняется, вероятно, тем, что когда он писал свои пьесы, то в своем творческом воображении видел не актеров, исполняющих его творе-

ния, а подлинно живых людей. А. Артем актером не был. Единственный из всех замечательных участников МХТ, он своей роли не играл — он подлинно был тем или иным персонажем.

Бывший учитель чистописания в одной из московских гимназий, он примкнул к кружку любителей драматического искусства, возглавляемого Станиславским, и вступил в группу артистов, создавших МХТ. Слава театра росла с каждой новой постановкой Чехова, а талант Артема креп. Никто не был так прост, так искренен, так "по-чеховски" лиричен, как он — очевидно, тут было полное духовное родство с автором "Чайки".

Довелось однажды Чехову присутствовать на репетиции пьесы Ибсена "Когда мы мертвые пробуждаемся". В ней и Артем исполнял какую-то роль. Чехов, увидя его на сцене, закатился вдруг продолжительным смехом: "Послушайте, обратился он к Немировичу-Данченко, не может же Артем играть Ибсена, это же невозможно". Чехов был, несомненно, прав. Огромный, таинственный мир сложных символов Ибсена был Артему недоступен — он его не чувствовал, не понимал. Ибсен был чужд этому руссифицированному актеру и он его не любил, в чем откровенно признавался. Но зато каким благоуханием веяло от его творчества в чеховском репертуаре. Какая трогательная любовь и воистину материнская заботливость и преданность к Гаеву чувствовались в его исполнении Фирса. Сколь незабываемо его первое появление при приезде барыни Раневской, когда он идет впереди один и бормочет какие-то непонятные слова! Это — шедевр артистического творчества. Это уже не от Чехова, не от автора, а от Артема, от артиста — это добавление к Чехову и не знаешь, где кончается Чехов и начинается Артем.

Вспоминаю, как однажды, в одной из своих бесед с молодыми актерами, Немирович-Данченко говорил, что артисту вполне достаточно дать на сцене всего лишь две минуты подлинного творческого взлета, чтобы тем самым оставить у зрителя неизгладимое впечатление на всю жизнь. Судите тогда: как же должно было быть состояние зрителя от исполнения Артема, когда он весь

вечер оставался в подлинном творческом взлете. У него не было никаких "приемов игры", так называемых актерских "штучек", которые наблюдаются у других, особенно, кстати сказать, у французов. Его мастерство чуждалось приемов, выдумок, не было у него желания произвести впечатление, поразить. Мне думается, что сидящего в зале зрителя, он и не замечал, о нем не думал.

В своей системе актерского творчества Станиславский требовал, чтобы актер на сцене не чувствовал "публичное одиночество". На первый взгляд это может показаться парадоксом — в театре, при публике, и... одиночество. Но вникнув, понимаешь, что чем меньше актер заботится о зрительном зале, чем больше он сосредоточен на сцене, тем он лучше играет и тем большее производит на зрителя впечатление. Артем в полной мере оправдывал это требование Станиславского.

Известно, что Чехов был страстным рыболовом, часами любил просиживать с удочкой у реки и следить за поплавком — не клюнет ли? Из всех подарков, которые ему поднесли после первой постановки "Вишневого Сада" (она совпала с днем именин Антона Павловича) больше всего порадовали его удочки, поднесенные Коровиным. В беседе о рыбной ловле Артем изобразил тогда, как насаживается червяк на крючок и какой взмах нужно сделать удочкой при ее закидывании. Показал он это с таким мастерством, что Чехов стал сокрушаться, что публика в театре не может его увидеть. "Это вы делаете так талантливо, что надо мне будет написать для вас такую роль, где это и публика сможет увидеть", сказал он Артему.

Роли этой Чехов не написал, как не написал больше ни одной пьесы с тех пор, как эти слова были произнесены — смерть пресекла его творчество. А десятью годами позже недалеко от могилы Чехова, в Новодевичьем монастыре, похоронили мы и Артема...